

Я не скучаю в своей молодости
и радуюсь молодости других — мне
не хотелось бы прозвониться перед ними.

Время, когда начиналась моя
литературная жизнь, обнаруживало
и открывало новые имена
и предавало их быстрой и шумной
огласке. Кроме общих обстоятельст-
в времени, мне сопутствовала пылкая
доброжелательность старших
маститых коллег. Лишь много позже
я поняла, что видная неблажка
судьбы на своем деле была важным
и суровым испытанием.

Тех, кто щедро и расточительно
попадались на добрые их глаза,
давно нет на свете. Сумею ли
я посмотреть их любовным
и охраняющим взглядом на тех, кто
молод, на Веру Зубареву, например?

Сначала я увидела ее стихи,
воображение соотносило их с морем
и побережьем, с бликами, с хрупкими
чередовавшимися блеском и тени.
Прихотливый, независимый и, несомненно,
различный мир
открылся мне, явилась мысль
о возникшем обидчике воздуха и моря.

И сама милая Вера очень
показалась мне! Я верю, что она
слышит голос своей звезды,
предвещающий удачу, но
охраняющий от суеты, вздора,
поспешности. Ее стихи —
изъявление ясности и суверенной
души, грациозно существующей
в осознанном пространстве.
Чудесно, что Вера живет в Одессе!
Сама милая горада кажется мне
неоспоримым счастливым приметой.

Белла АХМАДУЛИНА

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Ночные птицы, сумрачные птицы —
Знаменья убыли, бессрочности,
ущерб.
Вы суеверий и предчувствий мышцы,
Что движут небом, воплощаясь
в небо.

Ночные страхи, участи, желанья,
Цвет будущности, что с оттенком
скорби
В часы, когда свободно подсознание,
Разносится по руслу крови.
Из ночи в ночь — вот ваши перелеты.
Вам климат дня грозит
исчезновением.

С собою, чтоб смягчить кочевья
ноты,
Несете родину — под черным
опереньем.

II

А разбойничья звезда
Нам — как удаль, вам — как мзда.
А дорога удалая —
Вдоль которой наша стая,
Наша братия шальная —
Не прорвется. Никогда.
Режем по диагонали
Ваши выпренные дали.
Кто придержит прыть?
То, что нам вдогонку дали, —
И не нужно, и не взяли,
Чтобы легче плыть.
Кто же мы? Не воронье ли?
Дети ночи, дети воли.
А зови — хоть так,
Все равно, что наши роли
Искажит однажды в школе
Книжник и простак.

ВОЛКИ

I

Я думаю, ты все же постучишься.
Ближайшее соседство — за версту.
А вечер погрузил мое жилище
Почти по окна в темень и листву.
Сползает со столба лианой провод,
И в лампе на исходе керосин,
И это ли не долгоданный повод,
Чтоб постучать без видимых причин?
Невесело, запущено и дико
Мой дом произрастает из земли.
И вытоптана кем-то ежевика,
Которую собрать мы не смогли.
А слева от чернеющей дорожки
Наткнешься ты, когда придешь ко
мне,

На скользкое негодное лукошко,
Где ягоды прогнившие на дне.
Тут без труда я приручила волка —
Все оттого, что сходно с ним живу.
Его глаза — зеленых два осколка —
Пускай сверкают по ночам во рву.
Хоть изредка скорблю, что в
волчица.

Но не ропщу. Что, думаю, с того, —
В конце концов, ведь кто-то
постучится —
В твоём обличье он, иль ты — в его...

II

Уже декабрь. Тверда земля в саду.
Ее светло морозами без снега.
Печально, у растений на виду
Замерзло детство позднего побега.
Все ночи так привычно холодны,
Что забываю сетовать на холод.
Как забываю многое — и город,
И прежний ракурс ледяной луны.
У маленького низкого окна
Сутулюсь, сжав концы платка
локтями.

И мне — то ночь безбрежная видна,
То я сама в оконной дряхлой раме.
Там продолжает комната моя
Свое житье-бытье полупрозрачно
И тонет в перспективе декабря,
И в ночь произрастает многозначно,
И в отраженный дом помещены
Деревья, ров у сломанной калитки,
И тощий волк, что воет вдаль луны,
Претерпевая полнолуныя пытки.
И я сутулюсь посреди дорог,
Озвученных той литургией волчьей,
И в руки, в плечи с каждой новой
ночью
Врастает серый подранный платок.

III

Да, пишу. Негодная хозяйка,
Я не запасла на зиму дров.
Чаще стынет ручка-нагивайка,
Ставя кляксы на начала слов.

В том ли грусть, что буква исказится,
Что дрожит чернильная строка?
Ты еще когда прийти решился,
А все медлишь, будто жизнь —
долга.

Что ж ты медлишь! Иль боишься
волка,
Что на перепутье двух миров
С первобытным чувством злого
долга
Ни на миг не покидает ров?